

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИМПЕРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н. И. Храпунов

(НИЦИАК КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ВООБРАЖЕНИИ ЗАПАДА В XVIII В.¹

Аннотация. В статье рассматриваются представления о Центральной Азии, возникшие в Западной Европе в эпоху Просвещения. Материалом для анализа стали наиболее популярные сочинения, созданные не только путешественниками, но и «кабинетными» авторами – писателями, философами, востоковедами. Философские и литературные проекты закрепляли в общественном сознании представления, в которых было много неточностей и ошибок, порожденных нехваткой информации, топосами и стереотипами. Центрально-Азиатский регион считали частью более обширной страны – Та(р)тарии, представлявшей собой континуум, неизменный во времени и пространстве, полную противоположность европейской цивилизации. По мере накопления практических знаний возникли более реалистичные представления о регионе и его населении.

Ключевые слова: историческая имагология, образ Центральной Азии, эпоха Просвещения, западноевропейские философы и писатели.

Долгий XVIII в., или эпоха Просвещения, был временем, когда европейская культура начала формировать образы различных регионов, осознавая их как историко-культурное единство. Среди них – представление о Востоке, включавшем огромные пространства от Северной Африки до Японии и бывшем полной противоположностью европейскому Западу². Возникли концепты Восточной Европы и Балкан как пограничья между Европой и Азией, «цивилизацией» и «варварством»³. В Европу пришла мода на различные элементы восточной культуры, от архитектуры и мебели до курительных трубок и чайных сервизов. Писатели сделали идеализированный Восток важным элементом литературно-философской игры, позволявшей осознать особенности собственного общества. Представлениям о Востоке в сознании Запада была свойственна амбивалентность – например, несмотря на регулярные и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.». Я признателен коллегам, прежде всего Д. В. Васильеву и Р. Ю. Почкаеву, за ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения доклада.

² Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский Мир, 2006; Osterhammel J. Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018.

³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003; Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017.

продолжительные русско-османские военные конфликты, российская европеизированная элита усвоила моду на турецкое¹. В предлагаемой статье рассматривается вопрос об образе Центральной Азии в сочинениях, созданных западноевропейскими путешественниками и «кабинетными» авторами XVIII в. При отборе источников предпочтение отдавалось более популярным. Путешественник-практик нередко знал больше кабинетного ученого, литератора или философа, но именно труды последних, пользовавшиеся куда большим спросом у публики, определяли общественное мнение, внедряя в него те или иные представления, нередко ложные или отягощенные фобиями, топосами и стереотипами.

Несмотря на бурное развитие науки, и в частности – географии, в эпоху Просвещения, Центрально-Азиатский регион был очень плохо известен на Западе. Сам термин «Центральная Азия» еще не был выработан, а потому соответствующие народы и государства обычно включали в состав более крупных концептов². Примером может быть статья «Тартария» в знаменитой французской «Энциклопедии». Здесь сообщается, что это «... обширная страна, составляющая часть Азии, простирающаяся к северу от государств турок, Персии и Китая до самого Ледовитого моря. Тартария делится на три большие части – известны Тартария китайская, которая принадлежит китайскому императору, Тартария независимая, которой управляют разные ханы, и Тартария русская, которая занимает необъятное пространство»³. С этой точки зрения Центральная Азия входила в состав Тартарии независимой, разделенной на несколько государств. В статье «Тартары или татары» приводится описание народов, «населяющих северную Азию», и делившихся на «три различные нации» – собственно татар, калмыков и монголов. Здесь же приводятся некоторые сведения о жителях региона («татарах казачьей орды», каракалпаках, «узбекских татарах») ⁴. Автором обеих статей был натуралист Луи де Жюкур (1704–1780).

Итак, Центральная Азия представлялась европейцам частью Тартарии (Tartarie, Tartary) – колоссального пространства, протянувшегося от Крыма до Китая и от Северного Ледовитого океана до Индии. В название страны и ее жителей («тартар») добавили лишнюю букву «р», чтобы подчеркнуть связь с преисподней – Тартаром. Всему виной нашествия мон-

¹ Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е. М.: Кучково поле, 2017.

² Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. С. 1–10.

³ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 15. Neufshastel: Samuel Faulche & Compagnie, [1751]. P. 926.

⁴ Ibid. P. 920–960.

голов XIII в., осмысленных европейцами как предвестие конца света¹. Фобия оказалась не просто сильной, но долгоживущей, причем жертвой ее стали некоторые философы и ученые Просвещения. Так, Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646–1716) в частном письме (1699) заметил, что «если эти татары не будут постоянно воевать друг с другом, они смогут наводнить большую часть света, как это некогда сделал Чингисхан»². Жан-Жак Руссо (1712–1778) в трактате об «общественном договоре» (1762) писал о мрачном будущем, ожидавшем западную цивилизацию: «Российская держава пожелает покорить Европу, и сама окажется покоренной, ее подданные – татары – и ее соседи станут сначала ее хозяевами, а потом нашими: этот переворот мне кажется неизбежным. Все короли Европы слаженно работают над тем, чтобы его ускорить»³. Эта мысль вызвала резкую критику Вольтера, считавшего, что «жалкие татарские орды» находятся «в крайнем упадке»⁴. Очевидно, дело в том, что республиканец Руссо придерживался последовательных антироссийских взглядов, тогда как Вольтер, наоборот, видел в России динамичную молодую державу, готовую воспринять достижения Западной цивилизации⁵.

Лишь к концу XVIII столетия некоторые авторы отказались от написания топонима и этнонима с лишним «р». Примером может быть Уильям Итон (?–после 1809), британский авантюрист, много лет проживший в Османской империи, заметивший в предисловии к своему антитурецкому трактату (1798): «Я писал “татары” (Tatar), потому что в первом слове нет буквы “р” ни в написании, ни в произношении жителей Востока»⁶. Его соотечественник и критик Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) использовал написание топонима «Tahtary» и этнонима «Tahtars»⁷, очевидно, зная об этой дискуссии и потому заменив спорное «г» на «h», в сочетании с предшествующей буквой «а» дававшее долгий звук [a:]. Названия «тартары» и «Тартария» не просто задавали отношение к региону как к «миру наизнанку», полной противоположности тому, к чему привыкли в Европе. Оно символизировало единство колоссального пространства, неизменного на протяжении столетий, обитатели разных концов которого вели одну и ту же жизнь. Потому, например, национальный герой США Джон Смит (1580–1631), рассказывая о

¹ Филошкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 13, 39–40, прим. 16–17.

² Osterhammel J. Unfabling the East... P. 2, 519, note 3.

³ Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб.: Росток, 2013. С. 154.

⁴ Вольтер. Избранные произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 540.

⁵ См. об этом: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 84–90.

⁶ Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 2nd ed. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799. P. xxiv; cf. p. 314.

⁷ Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. Passim.

своих приключениях в Крымском ханстве в начале XVII в., перенес в эту страну реалии, позаимствованные из описаний Сирии и Поволжья¹. Вследствие этих представлений, обсуждая Центральную Азию в данной статье, иногда придется выходить за пределы данного региона, следуя причудливой логике писателей, ученых и философов Просвещения.

Откуда же «кабинетные» авторы XVIII в. черпали фактические сведения об азиатских странах? Представляется, что среди их источников выделяются два труда. В 1625–1626 гг. английский священник Самьюэл Пёрчас (1577?–1626) опубликовал пятитомную сводку путешествий по разным странам света, начиная с библейских времен и заканчивая современными ему авторами. Для желавших ознакомиться со сведениями о Центральной Азии особый интерес представляли том третий, первая часть которого содержала «странствия и повествования о самых дальних северных и восточных частях Азии, называемой Тартарией и Китаем»², и том пятый, четвертая часть которого рассказывала об «армянах, мидийцах, персах, парфянах, скифах, татарах, китайцах и их религиях»³. Второй источник создал нидерландский купец, картограф и государственный деятель Николас Витсен (1641–1717), который в 1664–1665 гг. побывал в России. И тогда, и позднее он собирал материалы о восточном и южном пограничье царства, ставшие основой для его книги (1692/1705). Здесь он предложил подробное описание стран и народов от Китая до Крыма и от Бухары до северной Сибири⁴. Именно на Витсена сослался автор статьи «Тартария» во французской «Энциклопедии». Описанные источники отличались энциклопедическим характером, пусть и были не вполне упорядоченными.

В 1719 г. английский литератор и политический консультант Даниэль Дефо (1660–1731) опубликовал знаменитый роман о приключениях Робинзона Крузо. Второй том этого сочинения почти неизвестен русскоязычным читателям, поскольку его автор критиковал Россию, что сделало перевод этой части нежелательным и в царское, и в советское время. Если в первом томе Робинзон побывал в Северной Африке, Бразилии, на необитаемом острове близ побережья нынешней Венесуэлы, в Испании и Португалии, то во втором автор отправил его сначала на остров, где Робинзон провел 28 лет, затем на Мадагаскар, в Индию, Таиланд и Камбоджу, на Суматру и Молуккские острова, и далее в Китай. Из Пекина путешественник по суше выехал в Россию, для чего

¹ Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 155–156.

² Pvrchas his Pilgrimes. Pt. 3. London: Henrie Fetherstone, 1625. P. 1–209.

³ Pvrchas his Pilgrimes [Pt. 5], or Relations of the World and the Religions Observed in All Ages and Places Discours'd from the Creation onto This Present. London: Henrie Fetherstone, 1626. P. 343–476.

⁴ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010.

пришлось пересечь «Великую Татарию» (Grand Tartary); через Енисейск, Тобольск и Соликамск он добрался до Архангельска, а оттуда через Гамбург и Гаагу вернулся на Родину. По словам Робинзона / Дефо, земли между Китаем и Россией («Московией») были пустыней, населенной татарами – воинственными, агрессивными, трусливыми и коварными язычниками¹. Впрочем, и после того, как начались владения русского царя, ситуация почти не изменилась. «Когда-то давно я думал, что, по мере приближения к Европе, мы увидим более населенную страну и более цивилизованный народ, но оказалось, что в обоих случаях я ошибался, ведь теперь нам пришлось ехать через страну тунгусов (Tongueses), где мы видели те же признаки язычества и варварства, что и прежде, если не хуже...»². «И все же здесь видел я, что невежество и язычество до сих пор господствует [везде], кроме московитских гарнизонов; все страна между рекой Обь (Obu) и рекой Енисей (Janezay) – такая же варварская, а народ такой же языческий, как и самые дальние из татар, нет, даже хуже, чем какая-либо нация из тех, что я должен был знать по Азии или Америке...»³. Подобные наблюдения Робинзон делал и когда переправился через Уральский хребет, вплоть до самого Архангельска, но центральную Россию он, по воле писателя, объехал стороной. Ясно, что автору хотелось провести своего героя по «трем частям света», показав ему (и читателю) самые интересные страны и народы. Потому показательно отсутствие в романе упоминаний Центральной Азии. Отправить туда Робинзона можно было, проложив маршрут из Китая несколько южнее. Но, надо думать, ни самому Дефо, ни его потенциальным читателям регион вовсе не был интересен.

Для Дефо характерна позиция «английского превосходства» и взгляд свысока на восточные культуры. Вот, например, что Робинзон говорит о Китае: «Но когда я стал сравнивать жалких жителей этих стран с нашими, их общественное устройство, их образ жизни, их государство, их религию, их благосостояние и их славу, как некоторые ее называют, то должен признать, что не думаю, чтобы они стоили упоминания или времени, требующегося мне, чтобы их описать, а читателю – чтобы о них прочесть. Очевидно, нам интересны величие, богатства, пышность церемоний, государство, ремесла, торговля и поведение этого народа – но не из-за того, что они достойны интереса или, по крайней мере, упоминания, но поскольку, изначально имея истинное представление о варварстве этих стран, господствующих там грубости и невежестве, мы не ожидаем встретить ничего подобного так

¹ The Farther Adventures of Robinson Crusoe: Being the Second and Last Part of His Life, And of the Strange Surprizing Accounts of His Travels Round Three Parts of the Globe. London: W. Taylor, 1719. P. 312–325.

² Ibid. P. 345.

³ Ibid. P. 346.

далеко»¹. Кажется, Дефо раздражала мода на все «восточное», которая в XVIII в. постепенно охватила европейскую элиту. Увлечение Китаем и Индией, Персией и Османской империей проявлялось в облике разных построек и интерьеров, театре и литературе, картинах, сервизах и мебели. Разумеется, этот Восток был в значительной мере воображенным, а не реальным².

«Робинзон Крузо» завоевал огромную популярность, до сих пор оставаясь одним из самых читаемых британских романов. И дело не только в его авантурном сюжете, но и в апологии буржуазных ценностей. Не случайно, когда другой британский классик, Уилки Коллинз, решил спародировать склонность своих соотечественников постоянно перечитывать Библию в поисках ответов на любые вопросы, нередко касающиеся самых прозаических дел, он заставил одного из самых ярких своих героев Габриэля Беттереджа читать «Робинзона Крузо». Цитаты из него широко разбросаны по тексту «Лунного камня» (1868) – романа, создавшего не только великолепную портретную галерею английского общества середины XIX в., но и жанр английского детектива. Как утверждал мудрый старик Беттередж, «книги, подобной “Робинзону Крузо”, никогда не было и не будет написано. Много лет обращался я к этой книге, – обычно в сочетании с трубкой табаку, – и нашел ее лучшим другом при любых обстоятельствах этой смертной жизни. Когда у меня дурное настроение – “Робинзон Крузо”. Когда мне нужен совет – “Робинзон Крузо”. В былые времена, когда жена изводила меня, и ныне, когда я выпью капелюшку лишнего – “Робинзон Крузо”. Я истрепал шесть толстых “Робинзонов Крузо”, немало потрудившихся у меня на службе»³.

Понятно, что размышления Робинзона (и его автора) о дальних странах не могли не влиять на общественное мнение XVIII в. Нужно отметить, что созданные писателем фикции были не просто долгоживущими – они могли определять вполне конкретные политические решения. Так, Дефо, по-видимому, был автором «Всеобщей истории пиратов» (1724), изданной под псевдонимом Чарльз Джонсон. В частности, в книге рассказывалась невероятная история пиратской республики Либерталии, якобы созданной на Мадагаскаре⁴. Автору уда-

¹ Ibid. P. 296–297.

² Чистякова Э. Э. Влияние восточной эстетики на европейскую художественную культуру XVIII–XX вв. // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб.: Издательство А. Голода, 2011. С. 143–147; о моде на «китайское», очевидно, вызвавшей возмущение Дефо, см.: Воображаемый Восток. Китай «по-русски». XVIII – начало XX века. М.: Кучково поле, 2016. С. 8–14.

³ Collins W. The Moonstone. London: Penguin, 1994. P. 18–19.

⁴ Возможно, замысел Дефо был шире, чем просто мистификация: писатель мог использовать образ свободной пиратской коммуны, чтобы обсудить актуальные идеи, связанные с устройством государства и общества – см.: Möller J. Defoes

лось ввести в заблуждение сначала Швецию, попытавшуюся завести дипломатические сношения с пиратами, а затем и Петра I, снарядившего на Мадагаскар экспедицию, рассчитывая тем самым получить плацдарм на пути в Индию¹. Этот амбициозный план реализовать не удалось – но он является ярким примером того, как фантазии эпохи Просвещения приводили к вполне практическим последствиям.

Для европейцев более интересными были те страны Востока, с которыми сталкивались по военным, торговым или колониальным делам – Османская империя, Индия, Китай. В первой четверти XVIII в. был опубликован французский перевод сказок цикла 1001 ночи, выполненный востоковедом Антуаном Галланом (1646–1715). С него были сделаны переводы на английский и немецкий языки². В популярном сознании эта книга надолго определила образ Востока как полной противоположности Западу. Его экзотичность манила и пугала одновременно. На Востоке стали искать то, что отсутствовало на Западе, начиная от специфических развлечений или элементов моды и заканчивая объяснениями особенностей своей культуры или поиском решений актуальных вопросов устройства общества.

В 1721 г. в Амстердаме вышла книга, якобы представляющая собой переписку знатного перса, отправившегося во Францию, с друзьями и слугами, и быстро завоевавшая популярность у публики. Ее автором был философ Шарль-Луи де Монтескье (1689–1755). Выбранный литературный прием позволил показать свою страну и свою культуру как бы увиденными со стороны. В этой книге жители Северной и Центральной Азии описаны под общим именем «татары». И хотя в рамках литературной игры предполагается, что герои романа знают о них гораздо лучше парижан, описание представляет собой набор стереотипов. Татарский хан – это воплощение одновременно варварства и чванства. «Когда татарский хан кончает обед, глашатай объявляет, что теперь все государи мира могут, если им угодно, садиться за стол, и этот варвар, питающийся одним только молоком, промышляющий разбоем и не имеющий даже лачуги, считает всех земных королей своими рабами и оскорбляет их по два раза в день»³. Татары – величайшие завоеватели: «Этому победоносному народу не хватало только историков, которые бы прославили память о его чудесных подвигах». Но азиатским народам не знаком «драгоценный дар» свободы, свойственный европейцам.

Piratenparadies *Libertalia* // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 1983. Bd. 8. H. 2. S. 129–144.

¹ Копелев Д. Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. С. 513–535.

² Nishio T. A Bibliography of the *Arabian Nights* in the 18th Century // Bulletin of the National Museum of Ethnology. 2012. Vol. 36. No. 4. P. 562, 564, 569.

³ Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. С. 74.

Потому татарские завоевания приносили с собой лишь «гнет деспотизма»¹.

Почти через тридцать лет вышел главный историко-философский трактат Монтескье «О духе законов» (1748). Здесь он сформулировал мысль о полной противоположности Европы и Азии, Запада и Востока. Свойством Сибири и Великой Татарии является исключительно холодный климат, делающий земледелие невозможным. Лишь в Бухаре, Туркестане и Хиве есть несколько городов. Зато климат окружающих стран (Турции, Персии, Индии, Китая и пр.), наоборот, очень жаркий. В Азии нет умеренного пояса, характерного для Европы. Потому борьба азиатских народов между собой – это борьба сильных северян с изнеженными южанами, тогда как в Европе сильный воюет с сильным, и эта борьба равных дает возможность для прогресса. В результате, в отличие от европейцев, Азия слаба и не имеет свободы². Понятно, что размышления о холодном климате Центральной Азии характеризуют уровень знаний французского философа – но географический детерминизм является краеугольным камнем его концепции. Более чем через сто лет автор Гекльберри Финна спародировал Монтескье в монологе полковника Шербурна о мужестве и достоинстве, перевернув аргументацию: «Я родился и вырос на Юге и жил на Севере; так что я знаю средних со всех сторон. Средний человек – трус»³.

Монтескье повторил мысль, прежде высказанную его персидскими героями, которая близка рассуждениям Дефо. «Народы Северной Европы покорила ее как свободные люди; народы Северной Азии покорила ее как рабы и одержали победы лишь для своего господина. Причина тут в том, что татарский народ – естественный завоеватель Азии – сделался сам рабом». Потому татары перенимали культуру поработанных ими китайцев⁴. В отличие от европейцев, татарским державам свойственна тирания. «Татары, разрушив греческую империю [т. е. Византию. – *Н. Х.*], установили в завоеванных странах рабство и деспотизм, а готы, покорившие Римскую империю, основали повсюду монархии и свободу». Бескрайние равнины Азии способствуют тому, что возникшие там государства очень протяженны. Потому управлять ими можно только деспотичным образом – в отличие от небольших государств Европы. Потому на Западе царит дух свободы, а на Востоке – дух рабства⁵. По мнению французского философа, сутью истории была коммерция: «История торговли есть история общения народов (...) Торговля ведет к богатству, богатство ведет к роскоши, а рос-

¹ Там же. С. 136–137, 213–214.

² Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 235–237.

³ Twain M. The Adventures of Huckleberry Finn. London: Penguin, 1994. P. 145.

⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов. С. 238.

⁵ Там же. С. 239.

кошь – к усовершенствованию ремесел»¹. Отсюда большое внимание, которое он уделил Каспийскому морю, в древности служившему одним из этапов на пути, по которому товары из Индии доставлялись в Причерноморье и далее на Запад. Но врагами торговли, а следовательно, и цивилизации, оказались татары, которые опустошили азиатские страны и даже отвели течение Амударьи и Сырдарьи так, что эти реки более не впадают в Каспий².

Использованная автором «Персидских писем» литературная форма завоевала большую популярность. Например, английский писатель Оливер Голдсмит (1728/30–1774) опубликовал подборку «писем» вымышленного китайского философа (1760), часть из которых была якобы отправлена правителю Татарии. Татария Голдсмита – это населенная варварами страна, «где суровый климат, губительные наводнения, сыпучие пески, непроходимые леса и неприступные горы кладут предел трудам землепашца и обрекают землю на запустение, страны, где в поисках скудного пропитания кочует смуглолицый татарин, чье сердце не ведает жалости, а вид более ужасен, чем опустошение, которое он сеет вокруг»³. Подобно Дефо и Монтескье, Голдсмит утверждал, что даже завоевав Китай, татары не смогли навязать ему свою культуру, но наоборот, сами восприняли китайскую. «Вот уже сколько веков империя наша остается все той же; хоть ее и покорили татары, она продолжает хранить свои древние законы и учености. Пожалуй, вернее будет сказать, что страна наша присоединила к себе татарские владения, а не допустила чужеземного захватчика в свои пределы»⁴. Итак, жители Центральной и Северной Азии казались ему людьми, не имевшими высокой культуры, черты которых напоминали описания Монтескье. Очевидно, стереотип уже закрепился в общественном сознании.

Показателем ограниченного интереса Запада к Центральной Азии являются сочинения Вольтера (1694–1778). Философ, обладавший исключительно обширным кругозором и искренне увлекавшийся Индией и Китаем, как правило, вспоминал о Центрально-Азиатском регионе в контексте иных стран и вопросов. Так, в «Опыте о нравах и духе народов» (1756–1769), пытаясь обобщить закономерности всемирной истории, француз обратился к Центральной Азии в связи с великими средневековыми завоевателями. В главе 60-й, рассказывая о Чингисхане, Вольтер дал определение Та(р)тарии. «За Тавром и Кавказом, к востоку от Каспийского моря, от Волги до Китая и к северу до зоны льдов, простирается бескрайняя страна древних скифов, впо-

¹ Там же. С. 297.

² Там же. С. 297–298, 318–319.

³ Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М.: Наука, 1974. С. 26.

⁴ Там же. С. 110.

следствии названных татарами (Tatares) по имени Татар-хана, одного из их великих князей, которых мы называем тартарами (Tartares). Кажется, люди живут в этой стране с незапамятных времен, но они почти никогда не строили городов...»¹. Этот отрывок свидетельствует, что философ понимал разницу между самоназванием татар и европейским экзотонимом с лишней буквой «р». Он считал все население страны кочевниками, «людьми невежественными, но воинственными»². В главе 88-й, рассказывая о происхождении Тамерлана, Вольтер дал краткое географическое описание его родины, характерным образом привлекая античную и библейскую географию. «Он родился в 1357 году в городе Кеш (Cash) на территории древней Согдианы, куда некогда пришли греки при Александре [Македонском. – Н. Х.], и где они основали колонии. Сейчас это страна узбеков. Она начинается у реки Гихон (Gion), или Окс, исток которой находится в малом Тибете, приблизительно в семистах льё от истока Тигра и Евфрата. Это та самая река Гихон, о которой говорится в Книге Бытия...»³. Представления Вольтера о климате Центральной Азии отличались от общепринятых: «Считается, что под именем города Кеша [скрывается] ужасная страна; однако там такой же климат, как в Неаполе и Провансе, которые не испытывают жары; это восхитительный край»⁴. В 155-й главе, посвященной положению Азии накануне европейской колонизации, Вольтер создал образ Татарии, знаменитой не науками или искусствами, но тем, что она стала родиной грозных завоевателей. «Искорбительно для человеческой природы то, что сила всегда преобладает над мудростью, и что эти варвары покорили почти все наше полушарие до горы Атлас». Из глубин Татарии (fond de la Tartarie) явились Чингисхан, Батый и Тамерлан⁵. Там находились разные народы, включая узбеков Самарканда: «все они живут в бедности и знают только, что из них вышли орды, покорившие самые богатые страны на Земле»⁶.

Позднее, в истории Петра Великого (1759–1763), Вольтер писал: «Вся южная часть вышеописанной страны [Сибири. – Н. Х.] заселена многочисленными татарскими ордами. Древние турки вышли из Татарии для завоевания всех тех земель, которыми они ныне владеют. Калмыки, монголы суть те же самые скифы, которые, под предводи-

¹ Voltaire. *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*. Т. 4. Paris: Librairie de Leconte, 1829. P. 67.

² Ibid. P. 68.

³ Voltaire. *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*. Т. 5. Paris: Librairie de Leconte, 1829. P. 64.

⁴ Ibid.

⁵ Voltaire. *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*. Т. 8. Paris: Librairie de Leconte, 1830. P. 17–18.

⁶ Ibid. P. 19.

тельством Мадия, овладели верхней Азией и победили мидийского царя Киаксара. Они-то и доходили потом с Чингисханом и его детьми до Германии и образовали Монгольское царство при Тамерлане»¹. Эта цитата выдает характерный взгляд многих авторов Просвещения. Этнические процессы и классификации языков еще не были открыты, потому история народов казалась последовательной сменой разных этнонимов. Следовательно, задачей исследователя было найти древние соответствия нынешним названиям на основании созвучия, территориального совпадения и пр. Предполагалось, что народы не исчезали в истории, но лишь меняли названия².

Одной из заслуг своего героя Вольтер считал восстановление международной торговли. «Доподлинно известно, что торговля несколько раз меняла в свете свое направление. Северная Россия была до Тамерлана местом складки товаров Греции и Индии...»³. Отсюда следовала позитивная оценка деятельности Петра I и интерпретация его южных походов как вызванных необходимостью развития коммерции. Вольтер остановился на сооруженной российским императором системе каналов, соединяющих «Каспийское море с Финским заливом и океаном»⁴. Таким образом, Центрально-Азиатский регион описывался не как субъект, но как объект исторического процесса, развитие торговли и связь с миром которого зависело от внешних акторов. Эти идеи близки отмеченным выше рассуждениям Монтескье, который знал о строительстве Петром I Волго-Донского канала⁵.

Хотя выдающийся французский востоковед Жозеф Дегинь (1721–1800) был «кабинетным» автором, его работы оказали большое влияние на западные представления о Востоке. Крупнейшим трудом Дегиня стала «Общая история гуннов» в пяти томах (1756–1758). Это фундаментальное исследование, демонстрирующее выдающуюся эрудицию автора, в котором проанализировано множество письменных источников. Дегинь знал о существовании огромного количества названий, обозначающих различные народы, населявшие евразийские степи в различные исторические периоды. Исследователь решил, что они характеризовали не этническую, а политическую ситуацию. Поэтому первая книга его труда предлагает подробную реконструкцию правивших в

¹ Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого. СПб.: Ленинград, 2012. С. 48.

² О принятых тогда способах идентификации народов см.: Слэзкин Ю. Естественные и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 124–144.

³ Вольтер. История Российской империи... С. 283.

⁴ Там же. С. 282–284.

⁵ Монтескье Ш.-Ж. О духе законов. С. 298.

Азии династий¹. Автор сделал следующее замечание, хорошо демонстрирующее его подход: «Нация (nation) гуннов, распространившихся по всей Татарию (Tartarie), тогда утратила свое имя хун-ну, или гуннов, под которым была известна на протяжении долгого времени среди соседних народов (peuples). Орда (Horde), которую образовали турки (Turcs), став могущественной, дала свое имя всей остальной нации (nation), или же, вероятнее, другие народы (peuples) знали [теперь] гуннов под именем турок, подобно тому, как впоследствии Чингисхан из орды монголов стал причиной того, что имя “монгол” стало обозначать всех татар (Tartares)»². В этом отрывке французский ученый использовал три термина – «нация», «народ» и «орда». Возможно, это отражало споры кануна французской Революции – что есть нация? Входят ли в нее только элиты (имеющие политическое представительство) или же все подданные государства? Кажется, «орда» для Дегиня – это ядро государства, политическая группа, соответствующая этнониму, «нация» – все подданные, а «народ» – иногда «внешние» по отношению к государству люди, а иногда – синоним нации.

В другой раз Дегинь повторил этот «политический» принцип интерпретации азиатских народов: «Гуннов, часть которых была изгнана к границам Европы, там спутали с некоторыми нациями, жившими в Поволжье и к западу от Каспийского моря. Другие их группы (bandes) остались к северу от Китая, где они стали очень многочисленными и рассеялись по разным сторонам Татарию. Впоследствии эти народы снова появлялись под разными другими названиями; но имя гуннов совсем исчезло, как это обычно бывает у татар (Tartares), у которых орда, достигшая власти (Empire), дает свое имя всей нации. Имя гуннов, уничтоженное после гибели империи, основанной ордой с этим названием, сменилось [именем] турок (Turc). По свидетельству всех китайских авторов, это была малая ветвь тех древних гуннов, что жили в Татарию. Это свидетельство подтверждают восточные авторы, которые знают гуннов только под именем турок, и византийские историки, считающие гуннов и турок одним и тем же народом»³. В книге Дегиня известия о Центральной Азии использованы, главным образом, в связи с политической историей древних и средневековых государств, частью которых она становилась.

Экономист Адам Смит (1723–1790) в трактате о «богатстве народов» (1776) писал, что водный транспорт, будучи самым дешевым и эффективным средством доставки грузов, способствует расширению рынков сбыта и экономическому развитию. Из этого следова-

¹ Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux. T. 1. Pt. 1. Paris: Desaint & Saillant, 1756.

² Ibid. P. 224.

³ Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux. T. 1. Pt. 2. Paris: Desaint & Saillant, 1756. P. 367–368.

ло, что внутренняя часть Азии была экономически и культурно неразвита по географическим причинам: «Вся внутренняя часть Африки и вся та часть Азии, которая отстоит далеко к северу от Черного и Каспийского морей, древняя Скифия, современная Татария и Сибирь во все века находились, по-видимому, в таком же варварском и диком состоянии, в каком они находятся и в настоящее время. Единственным морем Татарии являлся ледовитый океан, который не допускает судоходства; и хотя несколько величайших рек в мире протекает по этой стране, они находятся на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы можно было поддерживать сношения и вести торговлю с большей частью страны»¹. Здесь присутствует не только географический детерминизм, благодаря которому Смит отказал внутренней Азии в возможности для развития. Подобно другим авторам, он рассматривал регион как целостность на всем его огромном протяжении.

С середины XVI в. английские торговцы задумывались о проникновении в Центральную Азию через Россию по волжско-каспийскому пути². Правда, знаменитый путешественник Энтони Дженкинсон (1529–1610/11), изучавший Центральную Азию по поручению британской Московской компании (1558–1559), скептически оценил перспективы подобной торговли³. Почти через двести лет, в 1739 г., два английских купца – Джон Элтон (?–1751) и Манго Грейем (?–1747?) – попытались наладить торговлю через Москву и Астрахань с Персией и Центральной Азией. В отчете они указали, что планировали отправиться из Астрахани в Хиву, Бухару и Персию. Однако планы пришлось изменить из-за опасности нападения «татар», живших на восточном берегу Каспия, и военного конфликта между Бухарой и Персией⁴. Впоследствии, добравшись до Персии, они разработали план торговли с Бухарой через эту страну. По их мнению, единственный возможный путь лежал через западную часть Каспийского моря и персидский город Мешхед, где следовало учредить факторию. Добраться в Бухару по восточному пути из Оренбурга или Сибири было невозможно, так как он шел через пустыни, и существовала угроза со стороны калмыков, а южный путь из Индии был слишком долгим. В Бухаре можно с выгодой обменять европейские товары на восточные, в том числе золото и драгоценные камни. Бухара могла стать опор-

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 82.

² Храпунов Н. И. Через Крым – в Азию: проекты европейских интеллектуалов конца XVIII – начала XIX в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 126.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань: Александрия, 2006. С. 213, 221–222, 226.

⁴ [Spilman J.] A Journey through Russia into Persia; by two English Gentlemen. London: R. Dodsley, 1742. P. 8–9.

ным пунктом для проникновения далее на юго-восток, вплоть до Тибетского царства¹.

В 1753 г. Джонас Хануэй (1712–1786), британский купец и филантроп, опубликовал книгу о Персии, в которой ему приводилось бывать по торговым делам, и коммерции в Каспийском регионе. В ней он издал отчет купцов Джорджа Томпсона и Рейнолда Хогга, в 1740–1741 гг. совершивших путешествие из Петербурга для изучения возможностей торговли с Хивой и Бухарой². По суше, через Самару и Яицкий городок (Үаеік; ныне Уральск в Казахстане), владения казахов («киргизских татар»), которых описали как кочевников-варваров, не знакомых ни с земледелием, ни с деньгами, но зато «почти совсем не знавших многих ужасных преступлений, например, грабежей»³, миновав Аральское «озеро» и развалины Ургенча, добрались до Хивы. В отчете подробно описаны государственное устройство Хивинского ханства, его столица и жители («Хивинские татары мало отличаются от киргизских, но превосходят их в хитрости и коварстве»). Подобно Дженкинсону, путешественники писали о крайне низком спросе на европейские ткани и другие товары⁴. Далее англичане разделились: Хогг должен был вернуться тем же путем, каким приехал, тогда как Томпсон отправился в Бухару и Персию, чтобы на обратном пути обогнуть Каспий с другой стороны. Бухара в его описании – город более богатый, с разнообразным производством и торговлей различными товарами, но расположенный в нездоровом климате и страдавший от нехватки питьевой воды. Европейские товары здесь также не пользовались спросом. Вернулся путешественник, как и Элтон с Грейемом, через персидский Мешхед⁵. В тексте не раз встречаются рассуждения об опасности со стороны кочевых племен – казахов, каракалпаков, калмыков и других, которой подвергаются ехавшие через степи купцы. Жертвой грабителей стал и Хогг. Ясно, что такого рода сведения не способствовали интересу к торговле с Центральной Азией. Интерес к ней вновь возник после присоединения Крыма к России (1783), когда западные и восточные интеллектуалы-теоретики и коммерсанты-практики стали разрабатывать проекты «возрождения» древних торговых путей через Причерноморье в Центральную Азию и далее Индию и Китай⁶.

Ряд популярных сочинений, описывающих Центральную Азию и ее жителей, создали путешественники по России. Немец по происхождению, Петер-Симон Паллас (1741–1811) большую часть жизни (1767–1810) провел в России, где сначала служил в Академии наук, а послед-

¹ Ibid. P. 41–42.

² Hanway J. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. 3rd ed. Vol. I. London: T. Osborne et al., 1762. P. 238.

³ Ibid. P. 239.

⁴ Ibid. P. 241.

⁵ Ibid. P. 242–245.

⁶ Храпунов Н. И. Через Крым – в Азию... С. 127–136.

ние пятнадцать лет провел в фактической ссылке в Крыму. В 1768–1774 гг. он предпринял длительную исследовательскую поездку в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Программа путешествия не предусматривала выезд за пределы российских владений, но интересы ученого были значительно шире: например, расспросив забайкальских лам о Тибете, он подготовил соответствующее описание¹. Этот материал оказался настолько интересным, что через несколько лет его перевел на французский язык наполеоновский шпион на Юге России Жан Рёйи². Поэтому неудивительно, что, хотя самому Палласу не удалось проникнуть дальше северного берега Каспия, Орска и Семипалатинска, некоторые сведения о Центральной Азии ему собрать удалось. Например, в описании Оренбурга значительный фрагмент посвящен торговле с казахами («киргизцами»), бухарцами и хивинцами³. Паллас осмотрел кочевья казахов на левом берегу Яика (Урала), записал легенды об их происхождении и рассказал об их образе жизни, костюме, стадах, ремеслах, верованиях, социальном устройстве, взаимоотношениях с Россией и погребальном обряде⁴. Аналогично, описывая Троицкую крепость (ныне г. Троицк Челябинской области), Паллас детально рассказал о ведущейся там торговле, в которой главным контрагентом выступал Ташкент⁵. Позднее, в Челябинске, узнав о готовившейся экспедиции «в Киргизскую степь» отряда русских войск, он отправил с ним одного из своих сотрудников Николая Петровича Рычкова (1746–1784)⁶. Впоследствии был опубликован отчет об этой поездке⁷. «Путешествия» Палласа завоевали огромную популярность на Западе, а их автор стал считаться авторитетом в вопросах, касающихся южных и восточных окраин России. Потому, несмотря на фрагментарность собранной им информации о Центральной Азии, она оказывала влияние на тот образ региона, который складывался в общественном сознании.

¹ Pallas P. S. Nachrichten von Tybet, aus Erzallungen tangutischer Lamen unter den Selengiskischen Mongolen // Neue Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I. Sankt Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1781. S. 201–222.

² Description du Tibet, d'après la relation des Lamas Tangoutes, établis parmi les Mongols / tr. d'alem. J. Reuilly. Paris: Bossange, Masson et Besson, 1808. О Рёйи см.: Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. 2017. С. 113–140.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1773. С. 346–353.

⁴ Там же. С. 566–568.

⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. Кн. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1786. С. 381–384.

⁶ Научное наследство П. С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. / сост. В. И. Осипов. СПб.: Тиаид, 1993. С. 172, 180.

⁷ Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкую степь, 1771 года. СПб.: Императорская академия наук, 1772.

Во французском издании травелога появился пассаж, свидетельствующий о том, что в изучении народов Азии Паллас продвинулся дальше Дегиня. Ученый немец отметил, что среди жителей Татарии имеются весьма отличающиеся друг от друга народы, и что многие из них не называют себя «татарами». Он особенно выделил монголов и бурят как расу (race), которая «не имела ничего общего с татарами, кроме пастушеской жизни и небольшого сходства в языке. Монголы также отличаются от татар и всех западных народов, как негры от мавров, по своим обычаям, политическому устройству, также как и чертами лица. Несмотря на войны и переселения, монголы и калмыки сохранили столь характерные черты, что оставили свой отпечаток на многих других поработанных ими народах, особенно киргиз-кайсаках (Kirguis kaïzaks), восточных солонях (Solones orientaux), живущих в Даурии тунгусах и северных китайцах. К тому же, у них не в обычае отождествлять себя с татарами; имя “татарин” (Tatar) у них считается оскорблением; они делают его производным от глагола “tatanoi”, – “увлекать за собой”, “собираться [вместе]”; потому оно обозначает разбойника»¹.

Французский историк Пьер-Шарль Левек (1736–1812) несколько лет провел в России (1773–1780). Впоследствии он издал описание подвластных империи неславянских народов (1783), в которой широко использовал собранные материалы, в частности, наблюдения русских академических экспедиций, в том числе Палласовой. Левек разработал оригинальную классификацию народов «не по месту их обитания или, лучше сказать, кочевания, и не по времени их открытия, а по степени умственного развития и особенностям образа жизни»², то есть он попытался составить своеобразную «лестницу» разных степеней «дикости» или «варварства». Кроме того, французский ученый использовал деление по лингвистическому принципу – например, фенны (угрофинны), монголы, татары (тюрки) и пр., а внутри него – по географическому (региональному). Потому, несмотря на название, в книге Левека мало исторических сведений, но зато имеются подробные этнографические описания. Нашлось место и жителям Центральной Азии – ведь выходцы оттуда жили в российских владениях в Сибири³. В разделе о «нациях монгольской породы» француз описал джунгаров (калмыков-дзюнгоров), а в части о «нациях татарской породы» – бухарцев, хивинцев (или хорезмцев), туркменов, туркестанских татар, ташкентских татар, аральцев, каракалпаков, киргиз-кайсаков⁴. Как видим, здесь этнографический принцип смешался

¹ Voyages de M. P. S. Pallas, en differentes provinces de l'Empire de Russie, et dans l'Asie septentrionale. T. 1. Paris: Lagrange, 1798. P. 485–486 (о происхождении отрывка см.: P. ix–x).

² Левек П. Ш. История народов, подвластных России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 67.

³ Там же. С. 349.

⁴ Там же. С. 272–276, 349–374.

с государственно-территориальным. Левек отметил искусственность экзотонима: «[Е]вропейцы изменили название татары на тартары и называют этим именем все азиатские народы, жившие севернее Персии, Индии и Китая до Восточного океана; однако странно, что это столь громкое в Европе имя совершенно неизвестно персам и арабам». Подобно Палласу, он считал, что это название не используется «собственно татарскими нациями». Француз пришел к выводу, что в основе объединения – лингвистическое единство тюркских языков¹. По его мнению, приняв ислам, татары (тюрки) «частично избавились от своего первоначального невежества», то есть поднялись на несколько ступеней по «лестнице», которая вела от «дикости» к «цивилизации». Ислам он считал важным средством развития общества: «бухарцы прославили себя в науках задолго до Чингисовых завоеваний и никогда не прекращали заниматься ими», в отличие от российских подданных-татар, поскольку у тех даже духовенство плохо знает арабский. Те же татары, кто сохранил язычество, «прозябают в глубочайшем невежестве»².

Таким образом, представления о Центрально-Азиатском регионе, бытовавшие в Западной Европе на протяжении XVIII в., были довольно ограниченными. Самого понятия о Центральной Азии еще не существовало; этот регион казался частью куда более обширной страны – Та(р)тарии, занимавшей пространство между Россией, Персией, Индией и Китаем. Восток вообще и Та(р)тарию в частности воспринимали как полную противоположность Западу (Европе, цивилизации). Многие полагали, что природные условия затрудняли развитие Центральной Азии и делали невозможным для ее жителей достичь уровня цивилизации Европы. Разумеется, на них проецировались собственные фобии, комплексы и стереотипы. Азия была площадкой для литературных экспериментов, позволявших тем или иным способом осмыслить собственную культуру. Считалось, что Азия представляет собой культурный и этнический континуум, неизменный в пространстве и сохранившийся с глубокой древности. Лишь постепенно, по мере накопления знаний, возникли более реалистичные представления о регионе и его населении.

Многие из проанализированных в статье материалов сегодня кажутся неточными, наивными или пристрастными. Особенно это касается философских и литературных произведений, но именно они формировали общественное мнение. Количество людей, читавших «Робинзона Крузо», многократно превосходило число тех, кто знал, где находятся описанные Робинсоном/Дефо страны и что там реально происходило. Европейские, как, впрочем, и любые другие политики, далеко не всегда следовали рациональным соображениям: их решения нередко определялись фобиями, стереотипами и иллюзиями. В эпоху Просвещения

¹ Там же. С. 327.

² Там же. С. 330.

щения научные и философские знания не были на Западе простой абстракцией. Наука в современном смысле только зарождалось, а потому понимание ее потенциала наталкивалось на незнание конкретных законов природы и общества, что нередко приводило к ошибочным теоретическим суждениям и провальным практическим мероприятиям в области политики и экономики. Убедившись в том, что научные знания могут принести большую пользу, политики иногда действовали под влиянием идей, выработанных философами или путешественниками. Так, принимая решение о начале экспедиции в Египет в 1798 г., Бонапарт вдохновлялся образами, возникшими при чтении путевых записок Клода Савари и Константена Вольнея¹. Знаменитый проект по изгнанию османов из Европы был подсказан Екатерине II письмами Вольтера². Однако российская императрица проявила скептицизм, когда в 1791 г. некий Рей де Сен-Жени, французский эмигрант и, как считалось, бывший агент французского Министерства иностранных дел, и знаменитый полководец Шарль-Анри Нассау-Зиген представили ей план похода в Индию через Бухару и Кашмир с маршрутом и картами³. Будь этот проект реализован, сложно представить, как изменилась бы жизнь Центрально-Азиатского региона. Впрочем, сын и наследник императрицы Павел I увлекся фантастической идеей «индийского похода» и не только обсуждал ее с Наполеоном, но и даже отправил донских казаков в Центральную Азию, и только смерть императора прервала эту удивительную затею⁴.

Список источников и литературы

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань: Александрия, 2006. 400 с.
2. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012. 272 с.
3. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / пер. с гол. В. Г. Трисман. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010. 600 с.
4. Вольтер. Избранные произведения / пер. с фр. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. 643 с.
5. Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого. СПб.: Ленинград, 2012. 352 с.
6. Воображаемый Восток. Китай «по-русски». XVIII – начало XX века / сост. О. А. Соснина. М.: Кучково поле, 2016. 256 с.

¹ Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. С. 85–86.

² Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 109–114.

³ Aragon d'. Un paladin au XVIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 a 1789. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1893. P. 384; Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012. С. 152.

⁴ Безотосный В. М. Россия и Европа... С. 140–163.

7. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. И. Федюкин. М.: НЛЮ, 2003. 560 с.
8. Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке / пер. с англ. А. Г. Ингер. М.: Наука, 1974. 383 с.
9. Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой / пер. с фр. М. Р. Майзульс. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. 119 с.
10. Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. Л. А. Кириллина. М.: Лингвистика, 2017. 358 с.
11. Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 106–116.
12. Копелев Д. Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. 736 с.
13. Левек П. Ш. История народов, подвластных России / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 480 с.
14. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
15. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / пер. с фр. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 512 с.
16. Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О. А. Соснина, А. М. Валькович. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.
17. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1773. 657 с.
18. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. Кн. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1786. 476 с.
19. [Паллас П. С.] Научное наследство П. С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. / сост. В. И. Осипов. СПб.: Тиаид, 1993. 250 с.
20. [Рычков Н. П.] Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкую степь, 1771 года. СПб.: Императорская академия наук, 1772. 104 с.
21. Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. 183 с.
22. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб.: Росток, 2013. 640 с.
23. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунов. М.: Русский Мир, 2006. 638 с.
24. Слёзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия / пер. с англ. Н. Бодягина // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–154.
25. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. В. С. Афанасьев. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
26. Филлошкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
27. Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. 2017. С. 113–140.
28. Храпунов Н. И. Через Крым – в Азию: проекты европейских интел-

лектуалов конца XVIII – начала XIX в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 125–139.

29. Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 146–158.

30. Чистякова Э. Э. Влияние восточной эстетики на европейскую художественную культуру XVIII–XX вв. // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб.: Издательство А. Голода, 2011. С. 143–153.

31. Aragon d'. Un paladin au XVIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1893. 396 p.

32. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tartary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.

33. Collins W. The Moonstone. London: Penguin, 1994. 464 p.

34. [Defoe D.] The Farther Adventures of Robinson Crusoe: Being the Second and Last Part of His Life, And of the Strange Surprizing Accounts of His Travels Round Three Parts of the Globe. London: W. Taylor, 1719. 373 p.

35. Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux. T. 1. Pt. 1. Paris: Desaint & Saillant, 1756. 471 p.

36. Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux. T. 1. Pt. 2. Paris: Desaint & Saillant, 1756. 522 p.

37. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 15. Neufshastel: Samuel Faulche & Compagnie, [1751]. 950 p.

38. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 2nd ed. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799. 526 p.

39. Hanway J. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. 3rd ed. Vol. I. London: T. Osborne, D. Brown, C. Hitch and L. Hawes, A. Millar, J. Whiston and B. White, H. Woodfall, J. Rivington, W. Johnston, T. Longman, and R. and J. Dodley. 1762. 460 p.

40. Möller J. Defoes Piratenparadies Libertalia // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 1983. Bd. 8. H. 2. S. 129–144.

41. Nishio T. A Bibliography of the Arabian Nights in the 18th Century // Bulletin of the National Museum of Ethnology. 2012. Vol. 36. No. 4. P. 561–573.

42. Osterhammel J. Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia / tr. from Germ. by R. Savage. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. 676 p.

43. Pallas P. S. Nachrichten von Tybet, aus Erzallungen tangutischer Lamden unter den Selengiskischen Mongolen // Neue Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I. Sankt Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1781. S. 201–222.

44. [Pallas P. S.] Voyages de M. P. S. Pallas, en différentes provinces de l'Empire de Russie, et dans l'Asie septentrionale / tr. de l'all. par [C.] Gauthier de La Peyronie. T. 1. Paris: Lagrange, 1798. 773 p.

45. [Pallas P. S.] Description du Tibet, d'après la relation des Lamas Tangoutes, établis parmi les Mongols / tr. d'all. par J. Reuilly. Paris: Bossange, Masson et Besson, 1808. 89 p.

46. [Purchas S.] Purchas his Pilgrimes. Pt. 3. London: Henrie Fetherstone, 1625. 1140 p.
47. [Purchas S.] Purchas his Pilgrimes [Pt. 5], or Relations of the World and the Religions Observed in All Ages and Places Discoursed from the Creation onto This Present. London: Henrie Fetherstone, 1626. 1047 p.
48. [Spilman J.] A Journey through Russia into Persia; by two English Gentlemen. London: R. Dodsley, 1742. 60 p.
49. Twain M. The Adventures of Huckleberry Finn. London: Penguin, 1994. 281 p.
50. Voltaire. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations. T. 4. Paris: Librairie de Lecointe, 1829. 256 p.
51. Voltaire. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations. T. 5. Paris: Librairie de Lecointe, 1829. 171 p.
52. Voltaire. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations. T. 8. Paris: Librairie de Lecointe, 1830. 219 p.

С. К. Удербоева

(КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата),

А. М. Сагатов

(КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата)

ОТРАЖЕНИЕ АНГЛО-РУССКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Аннотация. В данной статье рассмотрено отражение англо-русского соперничества в Центральной Азии в конце XIX – начале XX вв. в научной литературе. Новейшие работы, посвященные истории The Great (Grand) Game, опубликованные на стыке тысячелетий и пост-миллениум, проанализированы в данной статье.

Ключевые слова: Большая игра, Центральная Азия, Россия, Великобритания, Памир, Крыша мира.

Метафора или термин «Большая игра» на протяжении более двух столетий определяет международные отношения в регионе Центральной Азии.

Выражение «the Great Game» впервые использовал офицер на службе Ост-Индской компании Артур Конолли на полях копии письма, отправленного британским политическим представителем в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 г.² Конолли был казнен в Бухаре в июне 1842 г. вместе с другим разведчиком – полковником Чарльзом Стоддар-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

² Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004. 266 с. С. 9.